

В.А. Томсинов

**Развитие доктрины
самодержавной власти
в трудах российских правоведов
начала XX века**

Опубликовано:

Государственная идеология: историко-правовые
и теоретико-правовые аспекты. В 2-х томах. Том 2
/ Под ред. А.А. Васильева. М.: Юрлитинформ, 2019.

С. 6-30.

В течение второй половины XIX века доктрина самодержавной власти, составлявшая стержень официальной государственной идеологии Российской империи, приобрела теоретическую форму, превратилась в системное политическое учение. основополагающие ее идеи были сформулированы обер-прокурором Святейшего Синода и наставником наследников императорского престола К.П. Победоносцевым¹. Самодержавная монархия мыслилась, согласно этому учению, не просто образом правления, но прежде всего жизненно важным принципом устройства Русской цивилизации. При этом предполагалось, что царская власть не может иметь никаких внешних ограничений, поскольку она является властью, ограничивающей саму себя, то есть САМООГРАНИЧЕННОЙ. По мнению Победоносцева, это свойство самодержавия давало императору возможность сохранять независимость от различных политических группировок, оставаться верховным властителем на деле, а не только по закону, и тем самым более эффективно служить благу страны.

Общественное представительство в виде парламента, обладающего законодательными полномочиями, К.П. Победоносцев считал политическим институтом, служащим лишь для удовлетворения личного честолюбия, тщеславия и личных интересов парламентариев. Он не связывал парламентаризм с интересами народа. Главное достоинство самодержавной власти Победоносцев видел в ее способности обеспечить непосредственную связь царя и народа. Парламентаризм же, по его мнению, разрывал связь царя с народом.

Реформа государственного строя Российской империи, осуществленная в 1905–1906 годах заставила переосмыслить упомянутые постулаты доктрины самодержавной власти. На основании Манифеста от 6 августа 1905 года «Об учреждении Государственной думы» в России был создан институт общественного представительства. В составе высших государственных органов появилась Государственная дума, «особое законосовещательное установление», которому предоставилась «предварительная разработка и обсуждение

¹ См.: Томсинов В.А. Учение К.П. Победоносцева о самодержавии // Консервативная правовая мысль России. Сб. научных статей / Под ред. А.А. Васильева. Барнаул, 2012. С. 130–155.

законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов». Изданный 17 октября 1905 года Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» даровал населению Российской империи «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», привлекал его к участию в Государственной думе, устанавливал «незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий» всех чиновников.

Указанные политические преобразования закрепляла высочайше утвержденная 23 апреля 1906 года *новая редакция Основных государственных законов*, имевшая по ряду параметров конституционное значение. В четвертой статье этого документа утверждалось: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»². Ранее существование верховной самодержавной власти определялось следующим образом: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»³. Как видим, в новом определении сущности самодержавной власти, зафиксированном в основных государственных законах редакции 1906 года было опущено слово «неограниченный».

Обновленный государственный строй Российской империи, в рамках которого император должен был действовать в соединении с Государственной думой, воплощавшей собой орган общественного представительства, предполагал перемены и в отечественной науке государственного права, и в государственной идеологии. «Манифест 17 октября был предвозвестником нового государственного права и новой государственной жизни России»⁴, — отмечал в статье, посвя-

² Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы. 23 апреля 1906 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее: 3-ПСЗРИ). Том 26. № 27805. С. 457.

³ Свод законов Российской империи, издания 1857 года. Том 1. Ч. 1. Основные государственные законы. СПб., 1857. С. 1.

⁴ Палиенко Н.И. Правовое значение манифеста 17 октября 1905 года. М., 1915. С. 8.

щенной десятилетнему юбилею этого документа, правовед *Николай Иванович Палиенко* (1869–1937).

Очевидно, что пересмотру должна была подвергнуться прежде всего доктрина самодержавной власти. Создание же обновленного ее варианта предполагало в первую очередь изучение новой юридической конструкции государственного строя Российской империи, сложившейся в результате учреждения Государственной думы, издания Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» и принятия 23 апреля 1906 года новой редакции Основных государственных законов. Это означало, что в новых условиях главная роль в дальнейшем развитии доктрины самодержавной власти принадлежала правоведам, специалистам в области науки государственного права.

Нормальное развитие любой науки не может совершаться без дискуссий по тем или иным проблемам, составляющим ее предмет. Между тем основные государственные законы, действовавшие в России до 1905 года, почти не возбуждали среди правоведов споров о юридической природе существовавшего в России государственного строя или о смысле тех или иных статей указанных законов. Положение резко изменилось после издания в 1905–1906 годах манифестов «Об учреждении Государственной думы», «Об усовершенствовании государственного порядка», «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы» и новой редакции Основных государственных законов. «Теперь все исследователи и толкователи русского государственного права, — отмечал в 1913 году ординарный профессор и декан юридического факультета Новороссийского университета *Петр Евгеньевич Казанский* (1866–1947), — *распадаются на две* резко отличающиеся одна от другой группы. Одни именно утверждают, что современный русский государственный строй есть прежний, исторический строй, но лишь реформированный, другие стараются доказать, что в 1905–6 гг. Россия решительно порвала со своим прошлым, что нынешний строй ее — строй новый, именно конституционный. В виду этого коренного различия между теми и другими, мы видим теперь и различие в понимании главнейших установлений нашего публичного права, и тем более, различие в понимании отдельных статей наших законов. В

задачу исследователя современного государственного строя теперь входит поэтому не только изложение действующего права и освещение его с точки зрения прошлого и настоящего русской народной и государственной жизни, а равно теории общего публичного права, но и критическая оценка различных, нередко диаметрально противоположных учений нередко одинаково авторитетных исследователей и установление правильной точки зрения на вопрос»⁵.

Среди проблем отечественной государственно-правовой науки, вызывавших острые споры между правоведами, наиболее важные касались природы установившегося в результате реформ 1905–1906 годов российского государственного строя: стал ли он по своей сущности новым или всего лишь обновился? Каким он оказался — дуалистическим или самодержавно-конституционным? Следующими по своей значимости выступали вопросы о сущности самодержавия, верховенстве и неограниченности императорской власти. Правоведы спорили, в частности, о том, какое свойство было определяющим в самодержавии — неограниченность, внешняя независимость или полнота власти? Какие смыслы вкладывались в понятия «верховная самодержавная власть» и «власть управления», употреблявшиеся соответственно в статьях 4 и 10 новой редакции Основных государственных законов?⁶

Разногласия между правоведами возникали и при объяснении характера законодательной, исполнительной и судебной властей по новой редакции Основных государственных законов, при рассмотрении вопросов о том, насколько эти власти были самостоятельными, как они соотносились с властью самодержавной.

⁵ Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. XXVII.

⁶ Статья 4 Основных государственных законов редакции 1906 года гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит *Верховная Самодержавная власть*. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». В статье 10 говорилось: «*Власть управления* во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского. В управлении верховном власть Его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим Его Именем и по Его повелениям» (курсив мой. — В.Т.).

Дискуссии по всем этим проблемам обогащали российскую науку государственного права множеством новых идей и одновременно развивали идеологическую доктрину самодержавной власти. Они способствовали появлению нового взгляда как на самодержавие в целом, так и на отдельные стороны самодержавной власти. Они вели к более ясному пониманию своеобразных черт государственного организма Российской империи, его традиционности, глубокой укорененности в прошлое русского народа.

В процессе этих дискуссий у правоведов крепло убеждение в том, что юридическую конструкцию российского самодержавно-монархического строя невозможно описать категориями, выработанными западноевропейской государственно-правовой наукой. Вместе с тем при осмыслении сущности изменений в государственном строе Российской империи, произведенных манифестами 1905–1906 годов и закрепленными в редакции основных государственных законов 1906 года, нельзя было не прийти к выводу о том, что этими законодательными актами в традиционные устои самодержавной власти были встроены институты западноевропейского происхождения — элементы конституционализма и парламентаризма.

* * *

Первые оценки государственных реформ 1905–1906 годов не учитывали всей сложности возникшей в результате их новой юридической конструкции самодержавной власти и оказались весьма упрощенными. Так, *Владимир Матвеевич Гессен (Воольф Мунишевич Гессен, 1868–1920)* писал в 1906 году в журнале «Полярная звезда», который редактировался П.Б. Струве: «Не подлежит никакому сомнению, что Манифест 17-го октября вводит конституционное начало в новое государственное право России; это начало сформулировано в п. 3 Манифеста. И если бы все содержание Манифеста исчерпывалось только этим пунктом, — и тогда мы должны были бы признать, что в России есть конституция и, следовательно, нет самодержавия и не может его быть»⁷. Позднее государствовед *Федор Федорович Кокошкин (1871–1918)* скажет о подобных мнениях, что они сами по себе

⁷ Полярная звезда. 1906. № 9. С. 633–634.

совершенно логичны, но «исходят из неверных теоретических предпосылок, из нерационального, ошибочного учения об источниках права и соотношении между правом и государством»⁸.

Более вдумчивые попытки разобраться в юридической природе Манифеста 17 октября 1905 года сразу же выявили недостаточность прежних методологических подходов, доминировавших в российской науке государственного права с эпохи «великих реформ». Юридическую сущность этого документ невозможно было осмыслить с позиций догматического позитивистского подхода, который абстрагировался от конкретной социально-политической обстановки, в которой он принимался.

С точки зрения данной обстановки и пытался объяснить юридическую природу рассматриваемого Манифеста Федор Федорович Кокошкин (1871–1918). «Вдумываясь в содержание этого акта и обстоятельства его издания, — писал он, — нельзя не прийти к заключению, что тот своеобразный характер, который выделяет Манифест 17-го октября из ряда других законодательных актов и делает юридическую конструкцию его столь затруднительной для юристов господствующей школы, заключается именно в принадлежащих ему свойствах *первичной нормы*, установленной путем провозглашения. Как уже было сказано выше, органом, провозглашающим первичную норму, может явиться и законодатель, — другими словами — закон, вызванный к жизни назревшим общественным правосознанием и скрепленный непосредственным признанием общества, получает большее юридическое значение, нежели то, которое принадлежишь закону, как таковому. Манифест 17-го октября именно и представляет характерные признаки такого сочетания законодательного акта с прямым общественным правотворчеством. Он, конечно, есть закон в формальном смысле слова, но этим не исчерпывается его значение, ибо он есть закон, по своему происхождению и содержанию самым тесным образом связанный с непосредственными проявлениями общественного правосознания»⁹. Ф.Ф. Кокошкин видел в указанном Манифесте нечто большее, чем

⁸ Кокошкин Ф.Ф. Юридическая природа манифеста 17 октября 1905 года // Юридический вестник. 1913. Кн.1. С. 45.

⁹ Там же. С. 54.

просто закон: по его мнению, это был «акт провозглашения, устанавливающий первичные основные нормы нового государственного порядка»¹⁰, который и на самом деле начал с момента издания данного законодательного акта формироваться.

Социологический подход к оценке Манифеста 17 октября 1905 года, наряду с юридическим, применял и профессор юридического факультета Московского университета *Александр Семенович Алексеев* (1851–1916). Он отмечал, в частности, что предусмотренное этим актом положение, согласно которому «ни один закон не может получить силы без участия народного представительства» упразднило «один из главных устоев самодержавия»¹¹. По словам правоведа, «изданием Манифеста 17-го октября взята лишь одна из главнейших позиций самодержавия, позиция очень сильная и еще недавно казавшаяся неприступной, но он не затронул ряда других укрепленных пунктов приказного уклада, с которым еще предстоит бороться русскому обществу, и на преодоление которых уйдет еще немало времени и немало энергии»¹².

Важной чертой указанного Манифеста было, по мнению А.С. Алексеева, и то, что он «ни в каком случае не является свободным и добровольным актом верховной власти, а что он представляет собой отвоеванный народом государственный акт, добытый обществом после долгой борьбы с правительством»¹³. «Манифест 17-го октября, изданный в установленном для закона порядке, — продолжал правовед, — есть несомненно закон в формальном смысле, но по существу он — не предписание власти, а выражение воли общества. И в этой-то солидарности Манифеста с голосом страны и заключается его сила: она-то и придала провозглашенным им началам ту незыблемость, которой не может похвалиться целый ряд других законов и между ними закон 6-го августа (имеется в виду Манифест об учреждении Государственной думы. — В.Т.)¹⁴.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ *Алексеев А.С.* Манифест 17 октября 1905 года и политическое движение, его вызвавшее. М., 1915. С. 4.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 25.

¹⁴ Там же.

Профессор юридического факультета императорского Казанского университета *Виктор Викторович Ивановский* (1854–1926) подчеркивал в своем учебнике государственного права, что «Манифест 17 октября 1905 года имеет огромное юридическое значение; это акт монархической власти, знаменующий ее отречение от начала неограниченности и, следовательно, введение в России конституционной монархии»¹⁵. Отметив, что данный Манифест включает в себя четыре главных пункта, а именно: 1) дарование населению гражданской свободы; 2) привлечение к участию в Государственной думе представителей всех слоев населения; 3) установление правила, по которому никакой закон не мог быть принят без одобрения Государственной думы и 4) «обеспечение возможности для Думы участвовать в надзоре за закономерностью действий администрации», В.В. Ивановский констатировал, что эти пункты выражают «в кратких словах все то, что составляет главное содержание современных конституций — определение формы государственного устройства, признание прав гражданской свободы и основных начал ответственности министров»¹⁶. Его итоговый вывод гласил: «Манифест является предварительным конституционным актом, выражающим волю монарха по основным вопросам государственного устройства, выполнение которой во всех ее деталях, логически вытекающих из основных положений, возлагается на правительство»¹⁷. При этом В.В. Ивановский замечал, что от этого он не терял своего юридического значения, поскольку все его пункты имели обязательный юридический характер: правительству вменялось в обязанность привести их в исполнение.

Об изданных 23 апреля 1906 году Основных государственных законах В.В. Ивановский писал, что они «составляют собою то, что принято называть конституцией». Характерной ее особенностью правовед называл «сохранение за государем титула самодержавный и оставление за государем законодательных прав по некоторым вопросам, а также права инициативы по основным законам». По его мнению, это придавало обновленному в 1905–1906 годах государ-

¹⁵ *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. Казань, 1908. С. 321.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 321–322.

ственному строю Российской империи «двойственный характер, свидетельствующий о недостаточном развитии в нем истинных конституционных начал»¹⁸.

Двойственную юридическую природу усматривал в Манифесте 17 октября 1905 года и А.А. Рождественский. Он считал, что этот документ «был законом в формальном смысле этого слова», а материальной стороны представлял собой «публично-правовую одностороннюю юридическую сделку, юридический факт, обосновывающий на стороне правительства определенные обязанности, на стороне населения – определенное публичное право». Оценивая политико-правовые последствия указанного Манифеста, А.А. Рождественский выражал мысль о том, что самодержавная власть не была им отменена: по его мнению, самодержавие прекратило свое существование только после созыва первой Государственной думы¹⁹.

Таким образом, попытки разобраться в юридической природе Манифеста 17 октября 1905 года заставили русских правоведов применять при ее рассмотрении самые различные методологические подходы, что, в свою очередь, положительно сказалось на судьбе науки государственного права в России. Отечественная государственно-правовая наука вырвалась из плена вековых традиционных догматов и стала эффективным инструментом для познания сущности государственно-правовых явлений и выработки новых доктрин официальной государственной идеологии.

До реформы государственного строя Российской империи 1905–1906 годов многие российские правоведы и в особенности те из них, которые являлись сторонниками национально-государственного направления отечественной науки государственного права, исходили из того, что конституция и любые формы общественного представительства в государственном строе несовместимы с властью самодержавного характера. Более того, они считали эти явления разрушительными для самодержавия. Именно поэтому К.П. Победоносцев рьяно боролся против всяких попыток ввести в России какие-

¹⁸ Там же. С. 328.

¹⁹ *Рождественский А.А.* Юридическая природа Манифеста 17-го октября 1905 года. С. 59.

либо элементы конституционного и представительного правления²⁰. Явлениями вредными, несущими в себе серьезную угрозу для самодержавной власти, признавал конституционализм и парламентаризм также М.Н. Катков.

Русский правовед и публицист *Николай Иванович Черняев* (1853–1910)²¹, высказывая в очерке «О русском самодержавии», написанном в 1894 году, мысль о том, что западноевропейский парламентаризм составляет чуждый для самодержавной власти институт, одновременно старался доказать, что Россия не нуждается в нем, поскольку выработала свою форму представительства народных интересов. «Действительно, – писал он, – русское самодержавие не может уживаться с тем, что обыкновенно называют *политической свободой*, то есть с народным представительством. Но стоит ли жалеть об этом? Ведь политическая свобода, понимаемая в этом смысле слова, не цель, а только средство. Она существует не сама для себя, а в интересах того или другого государства. Она хороша не безусловно, не всегда и везде, а лишь в том случае, если обеспечивает стране хорошее правление. В противном случае она является излишней обузой для народа и даже крайним злом»²². Исконно русскую форму народного представительства Черняев усматривал ни в чем ином, как в самодержавии. Отмечая, что России не нужно западноевропейского народного представительства, мыслитель утверждал далее, что у нее есть «свое собственное, исторически сложившееся, народное представительство, родное и понятное каждому русскому крестьянину. Мы говорим о нашем самодержавии. Русский царь есть неизменный и наследственный представитель нужд и потребностей своего народа, а до тех пор, пока страна и государь находятся в тесном

²⁰ См. об этом главу «Конституционный вопрос в первые месяцы правления императора Александра III: К.П. Победоносцев против М.Т. Лорис-Меликова» в книге: *Томсинов В.А.* Конституционный вопрос в России в 60-х – начале 80-х годов XIX века. М., 2013. С. 157–185.

²¹ См. подробнее о Н.И. Черняеве и его политических взглядах в книге: *Васильев А.А.* История русской консервативной правовой мысли (VII – XX вв.). Барнаул, 2011. С. 222–230.

²² *Черняев Н.И.* О русском самодержавии // Черняев Н.И. Русское самодержавие. М., 2011. С. 77. Первоначально это сочинение было напечатано в харьковской газете «Южный край» (1894. Ноябрь – декабрь), затем его опубликовал журнал «Русское обозрение» (1895. № 8. С. 761 – 797; № 9. С. 220 – 252).

и неразрывном единении, до тех пор, пока она безусловно доверяет ему, ей нет надобности искать иных представителей»²³.

Мнение о невозможности ввести в России конституционный строй с представительными учреждениями, ограничивающими единоличную власть монарха, высказывал и русский правовед *Константин Дмитриевич Кавелин* (1818–1885). Правда, связывал он эту невозможность не с разрушительным воздействием конституции и парламента на российское самодержавие, а с отсутствием в русском обществе настоящей опоры для такого строя. В брошюре «*Политические призраки*», написанной в 1876 году, Кавелин отмечал: «Мы глубоко заблуждаемся, думая, будто одни только конституционные учреждения, ограничивающие верховную власть, могут обеспечить народу права и законную гражданскую свободу, будто все народы, способные к культуре, рано или поздно, должны ввести у себя европейские конституционные формы. Мы видели, что они, напротив, могут существовать только там, где есть сильная родовая, поземельная или денежная аристократия, естественно стремящаяся завладеть верховною властью и притом для своих выгод, а совсем не в видах всенародной пользы и интересов масс»²⁴. К.Д. Кавелин не видел в России такой аристократии и считал, что она никогда не существовала и не сложится в русском обществе. Вследствие этого, подчеркивал он, «в России возможны были глубокие потрясения, уносящие престолы и династии, но немыслимо конституционное правление, основанное на ограничении царских прав, на разделении и равновесии политических властей»²⁵. По его словам, «если б конституция в этом смысле и была когда-нибудь введена у нас, то она только прибавила бы лишнюю иллюзию, и при первом же столкновении царской власти с политическим народным представительством, она рассыпалась бы как картонный домик. Последняя ложь была бы хуже прежних. Простодушные и легковверные люди, а они везде и всегда в огромном большинстве,

²³ Там же. С. 87–88.

²⁴ *Кавелин К.Д.* Политические призраки // *Собрание сочинений К.Д. Кавелина.* Том 2. Публицистика. СПб., 1898. Стлб. 954.

²⁵ Там же. Стлб. 955.

убедились бы из этого надолго, что нам на роду написано не иметь добрых гражданских и общественных порядков»²⁶.

На отсутствие в русском обществе настоящей опоры для конституционного строя и парламента, ограничивающего власть императора, обращал внимание и русский мыслитель, автор знаменитого произведения «Россия и Европа» *Николай Яковлевич Данилевский* (1822–1885). Однако в отличие от К.Д. Кавелина, он считал такой опорой не аристократию, достаточно сильную, чтобы противостоять государю, а народное правосознание, соответствующее конституционному правлению.

В статье «Несколько слов по поводу конституционных вождений нашей “либеральной прессы”», напечатанной 20 мая 1881 года в газете «Московские ведомости», Данилевский высказывал предположение, что даже если русский император дал бы России конституцию, то есть ограничил внешним формальным образом свою власть, «то и после этого народ, тем не менее продолжал бы считать его государем полновластным, неограниченным, самодержавным, а следовательно, в сущности, он таковым бы и остался»²⁷. Выражая это мнение, ученый обосновывал его невозможностью государя, каким бы могущественным он ни был, сделать самоограничение своей самодержавной власти «ограничением внешним, формальным, извне обязательным, т.е. принудительным», поскольку «народ его не принял бы и не признал бы, потому что мысли об этом не мог бы в себя вместить, не мог бы себе усвоить, как нечто совершенно ему чуждое. Конечно, он исполнял бы всю повеленную ему внешнюю обрядность, выбирал бы депутатов, как выбирает своих старшин и голов, но не придавал бы этим избранным иного смысла и значения, как подчиненных слуг царских, исполнителей его воли, а не ограничивателей ее. Что б ему ни говорили, он не поверит, сочтет за обман, за своего рода “золотые грамоты”. Но если бы, наконец, его в этом убедили, он понял бы одно, что у него нет более царя, нет и

²⁶ Там же.

²⁷ *Данилевский Н.Я.* Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. С. 227.

Русского царства, что наступило новое Московское разорение²⁸, что нужны новые Минины, новые народные подвиги, чтобы восстановить царя и царство»²⁹.

Конечный вывод Н.Я. Данилевского из размышлений о возможности введения в России конституции и парламента, ограничивающих самодержавие, был довольно категоричным: «Итак, внешнее формальное ограничение царской власти — что и составляет единственный смысл, который можно соединить со словом конституция — немислимо и неосуществимо; оно осталось бы пустою формой, не дающей никаких других гарантий или обеспечений политических и гражданских прав, кроме тех, которые верховная власть хочет предоставить своеу народу, насколько и когда этого хочет — как всегда от ее воли зависящий и ни от чего иного зависящий дар. Для гарантий, для обеспечения прав, скажем прямо, для ограничения царской власти очевидно нужно иметь опору вне этой власти, а этой-то опоры нигде и не оказывается. Желаемая конституция, вожденный парламент ведь никакой иной опоры, кроме той же царской власти, которую они должны ограничивать, не будут и не могут иметь. Каким же образом ограничат они эту самую волю, на которую единственно только и могут опираться? Ведь это nonsense, бессмыслица... Как же назвать после этого желание некоторыми, конечно, весьма немногими, в сущности, русской конституции, русского парламента? Как назвать учреждение, которое заведомо никакого серьезного значения не может иметь, как назвать дело, имеющее серьезную форму, серьезную наружность при полнейшей внутренней пустоте и бессодержательности? Такие вещи на общепринятом языке называют мистификациями, комедиями, фарсами, шутовством, и русский парламент, русская конституция ничем, кроме мистификации, комедии, фарса или шутовства и быть не может»³⁰.

Приведенные мнения о тщетности всяких усилий даже со стороны могущественного самодержца установить в России конститу-

²⁸ Н.Я. Даниевский имеет в виду в данном случае Смуту начала XVII в., разрушившую Московское царство Рюриковичей.

²⁹ *Данилевский Н.Я.* Указ. Соч. С. 227–228.

³⁰ Там же. С. 228–229.

ционный строй, ограничивающий законами и представительными учреждениями самодержавную власть, показывают, *каким великим переворотом в сознании и в политической жизни русского общества* были преобразования в государственном строе Российской империи, осуществленные в 1905–1906 годах.

После того как в России появилась Государственная дума и политические партии, населению были дарованы политические свободы, и установился свой вариант конституционного строя, вопрос о соотношении самодержавия и конституции, самодержавной власти и органов общественного представительства стал решаться российскими правоведами совсем по-другому. Начала конституционализма и народного представительства уже невозможно было рассматривать в качестве принципов, несовместимых с властью самодержца, поскольку на практике конституционные законы и представительные органы вполне удачно совмещались с монархией самодержавного характера. Из этого факта стали исходить в своих научных построениях даже те из правоведов, которые принадлежали по своим идеологическим взглядам к национально-государственному направлению отечественной науки государственного права.

Так, *Николай Алексеевич Захаров* (1883 – после 1928) писал, характеризуя систему государственной власти в России, установившуюся в результате политической реформы 1905–1906 года: «Вчитавшись в речи членов Государственной думы 13 ноября 1907 г. и сравнивая новый порядок законодательства со старым, нельзя отказаться от признания наличности нового конституционного порядка издания законов, но вместе с тем нельзя отвергнуть и наличия самодержавной власти. В чем же является вопрос и на чем основывается эта наличность двух будто бы несовместимых понятий. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо выяснить себе понятие конституции и самодержавия. И раньше, и теперь приходится встречаться с представлением о самодержавии и конституции, как о началах друг другу противоположных. Нужно поражаться такому сопоставлению двух несоизмеримых величин, из которых одно есть понятие общее, а другое – частное. Если конституция есть общая схема государственного устройства и внутренней работы государственного механизма, то самодержавие есть одна из форм

государственного строения. Можно сопоставлять строй самодержавный с теократическим, республиканским, парламентарным, дуалистическим, из которых каждый может быть облечен в самостоятельную конституционную форму, но повторять эту старую всероссийскую ошибку, которой не избежали многие наши юристы, и осуждать конституцию ради самодержавия, а самодержавие ради конституции, едва ли является возможным при наличии наших настоящих основных законов. Если односторонен взгляд на самодержавие, как на ничем не сдерживаемый деспотизм, то таков же он и по отношению к конституции, признаваемый чем-то таким, что существует не для развития жизни страны, а исключительно для ограничения прав и умаления достоинства носителя верховной власти органами законодательства. Нельзя не признать такого взгляда узким, а, между тем, это распространенный взгляд и в обществе, и в печати»³¹.

Показывая на примере Великой Хартии Вольностей и Золотой Буллы, что идея ограничения власти в конституционном строе Западной Европы вышла не из желания упорядочить работу государственной машины, а из возникших в высшем классе общества властолюбивых стремлений и желаний защитить свои выгоды, обеспечить неприкосновенность своей личности и своего имущества, Николай Алексеевич подводил к мысли о том, что в России, в отличие от Западной Европы, идея конституция проистекала из стремления упорядочить незыблемыми законами осуществление государственной власти. «Всматриваясь в нашу историю и вспоминая всю картину противопоставления конституции и самодержавия, — отмечал он, — невольно удивляешься этому узкому, одностороннему, антиюридическому взгляду. И мы должны еще раз повторить, что эти два понятия не только совместимы, но одно является общим, а другое частным, если конституция — зафиксированное, установленное изложение форм властвования, то самодержавие есть одна из этих форм»³².

³¹ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск, 1912. С. 136–137.

³² Там же. С. 137.

Мнение о том, что самодержавие и конституция не составляют несовместимых одно с другим явлений разделял и *Петр Евгеньевич Казанский* (1866–1947), развивавший в своих произведениях по русскому государственному праву национально-государственное направление в отечественном государствоведении. «Под конституцией в формальном смысле слова, — отмечал он в книге «Власть Всероссийского императора», — понимают: 1) основные законы государства и 2) государственный строй, покоящийся на законах. В обоих смыслах можно говорить и о русской конституции. В первом *нашей конституцией будут Основные законы*, содержащиеся в ч. I Свода законов. По своим темам и по особой юридической природе они вполне соответствуют конституционным законам других государств, хотя этого названия и не носят. Они говорят о верховной власти, о представительных собраниях, о правах граждан и пр. Для прохождения их установлен особый порядок. Даже язык, которым говорится об *Основных законах*, взят, как будто, из конституционных хартий Запада... Во втором, это будет *покоящийся на Основных законах государственный строй России*, т.е. русское государственное устройство. В этом смысле русский государственный строй был и до 1905–6 г. конституционным, т.к. Основные законы существуют со времени издания Свода законов»³³.

Н.А. Захаров также утверждал, что «по своему содержанию определяющему общий порядок государственных властей, наши основные законы, несомненно, могут именоваться тем именем, которое присвоено наукой для законов, устанавливающих внутреннюю организацию в стране — конституцией»³⁴.

Признав конституционный строй явлением вполне совместимым с государственным строем самодержавия, сторонники национально-государственного направления стали мыслить не противоречащим ему и принцип народного представительства. Н.А. Захаров высказывал по этому поводу следующее мнение: «Приступая к вопросу о самодержавной власти, нельзя не вспомнить того поддерживаемого некоторыми юристами положения, что установление органов народ-

³³ *Казанский П.Е.* Власть Всероссийского императора. Очерки действующего русского права. Одесса, 1913. С. 899–900.

³⁴ *Захаров Н.А.* Система русской государственной власти. С. 123.

ного представительства равно упразднению самодержавной власти. Из изложенного нами выше явствует, что понятие конституции не влечет за собой отмену самодержавной власти, а лишь определяет ее сущность. Равным образом, как можно говорить об отмене самодержавной власти фактом создания органа народного представительства, если сами первые статьи учреждения Госуд[арственного] совета и Госуд[арственной] думы прямо и ясно говорят о том, что эти органы созданы для содействия самодержавной власти»³⁵.

Появление в государственном строе Российской империи органов народного представительства, хотя и не означало отмену самодержавия, изменяло характер самодержавной власти. Правоведы, опиравшиеся при объяснении институтов русского государственного права на доктрины западноевропейской государственно-правовой науки, усматривали сущность этого изменения в переходе к новой форме правления — конституционной монархии. Государственная дума рассматривалась с такой точки зрения в качестве учреждения, ограничивавшего власть самодержца. Так, В.В. Ивановский писал в 1908 году в своем учебнике по государственному праву: «Существующая в России со времени издания Основных законов 23 апреля 1906 г. форма государственного устройства является конституционной монархией. Определяя более точно юридическое возникновение конституционной монархии в России, следует его приурочить к 27 апреля 1906 года, т.е. к дню первого созыва Государственной Думы и Государственного Совета; правильность такого приурочения подтверждается и Манифестом 20 февраля 1906 года, в котором имеется, между прочим, следующее место: “Сохраняя неизменным коренное положение Основных государственных законов, на основании коего никакой закон не может иметь своего совершения без Нашего утверждения, Мы постановляем впредь общим правилом, что со времени созыва Государственного Совета и Государственной Думы закон не может воспринять силы без одобрения Совета и Думы”. Так как существенной чертой каждой конституционной монархии и является именно указанный порядок законодательства, то и возникновение конституционной монархии должно быть приурочено к тому

³⁵ Там же. С. 279.

моменту, с которого начинается указанный законодательный порядок, т.е. в данном случае к 27 апреля 1906 года»³⁶.

Профессор юридического факультета Харьковского университета Н.И. Палиенко, оценивая результаты реформы государственного строя Российской империи 1905–1906 годах, делал следующий вывод: «Но как бы велики не были прерогативы монарха и ограничены полномочия народного представительства по силе наших Основных законов, остается все-таки несомненным, что по смыслу этих законов Россия, получившая народное представительство с законодательными полномочиями, теперь является конституционным государством, хотя и наименее развитого типа»³⁷.

Приват-доцент юридического факультета Санкт-Петербургского университета *Николай Иванович Лазаревский* (1868–1921) писал в своем учебнике «Русское государственное право» о конституционном значении созыва Государственной думы: «С 27-го апреля 1906 г., т.е. со дня, когда собралась первая Дума, Россия перешла к конституционной форме правления. С этого дня в силу Манифеста 20 февраля 1906 г. “закон не может воспринять силы без одобрения Совета и Думы” и таким образом, хотя бы государь и желал издания данного закона, но закон этот не принят одним из этих установлений, издание его юридически невозможно, и в деле законодательства власть государя стала властью ограниченной. Так как понятие ограниченности есть понятие абсолютное, не допускающее степеней, то власть, ограниченная в одном каком-либо отношении (в делах законодательства), уже не может признаваться вообще неограниченной».

Согласно этому, в той статье Основных Законов 1906 г., где говорится о существовании власти государя (ст. 4), наименование его “неограниченным” вполне правильно вовсе опущено, “тогда как это слово находилось в соответствующей ей статье Основ[ных] зак[онов] изд[ания] 1892 года. Статья 1 Основ[ных] зак[онов] изд[ания] 1892 г. говорила: “Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти, не токмо за

³⁶ *Ивановский В.В.* Учебник государственного права. I. Введение в общее учение о государстве. II. Конституционное право современных государств. III. Русское государственное право. Казань, 1908. С. 336–337.

³⁷ *Палиенко Н.И.* Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. Харьков, 1910. С. 75.

страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает”. Статья 4 Основ[ных] зак[онов] изд[ания] 1906 г. говорит: “Императору Всероссийскому принадлежит Верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает”. Указания на неограниченность власти теперь уже нет»³⁸.

С появлением органов народного представительства в государственном строе связывал переход Российской империи от самодержавного правления к правлению конституционно-монархическому и профессор императорского Александровского университета в Гельсингфорсе (Финляндия) барон *Сергей Александрович Корф* (1876–1924) «Как только мы имеем в государстве участие, в той или другой мере, народа в законодательстве, так мы имеем дело с государством конституционным»³⁹, — отмечал он. При этом Государственный совет и Государственная дума Сергей Александрович называл парламентом. «Раз русские основные законы установили, — писал он, — существование Госуд[арственной] Думы и Гос[ударственного] Совета (в совокупности называемых парламентом), как органов законодательных, а не законосовещательных, русское государство есть государство конституционное. Осн[овные] законы не оставляют в этом ни малейшего сомнения, так как категорически устанавливают, что законодательная власть осуществляется государем “в единении с Г[осударственным] Советом и Г[осударственной] Думой” (ст. 7).., нельзя выразить более ясно и определенно тот принцип, согласно которому в конституционном государстве законодательная власть осуществляется не монархом единолично, а лишь при содействии народных представителей; в этом, единственно, и состоит отличие конституционной от самодержавной формы государственного строя. Итак, на первый из вышепоставленных вопросов касательно формы русского государственного строя мы категорически отвечаем: *Россия есть ныне конституционное государство, так как она имеет парламент*»⁴⁰.

³⁸ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Том 1. Конституционное право. Издание третье. СПб., 1913. С. 197–198. Эту мысль Лазаревский высказал и в 4-м издании данного учебника. См.: Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Том 1. Конституционное право. Вып. 1. Издание четвертое. Пг., 1917. С. 166.

³⁹ Корф С.А. Русское государственное право. Часть 1. М., 1915. С. 51.

⁴⁰ Там же. С. 55.

В отличие от В.В. Ивановского и Н.И. Лазаревского, профессор С.А. Корф датировал «начало русской конституции» не 27-м, а 23-м апреля 1906 года. «Для признания существования конституционной формы госуд[арственного] строя, — пояснял он свою мысль, — необходимо наличие парламента; орган этот, однако, функционирует периодически, вследствие чего во всех конституционных государствах существуют периоды, когда парламент не заседает и прочие госуд[арственные] органы действуют без него; иногда даже предусматривается суррогат законодательной власти в так наз. чрезвычайно-указном праве, предназначенный заменять собой в исключительных случаях обычный порядок законодательства (напр., наша ст. 87 Осн. зак.); для признания существования конституционной формы госуд[арственного] строя необходимо, следовательно, не присутствие функционирующих законод[ательных] палат, а лишь установление той важной правовой нормы, что закон издается исключительно в единении главы государства с парламентом, что в осуществлении законод[ательной] власти парламент должен принимать обязательное участие. Таковая норма установлена была в ясных и категорических выражениях именно 23 апреля, в день издания новых Осн. законов; последние вступили в действие в день их издания, и с того момента нельзя было уже осуществлять законод[ательную] власть без соучастия парламента»⁴¹.

Российские правоведы, развивавшие *национально-государственное направление* в науке государственного права, считали вопрос о моменте перехода России от самодержавного правления к правлению конституционному лишенным какого-либо смысла. Признавая, что появление института народного представительства изменило характер государственного строя Российской империи, они усматривали сущность этого изменения не в переходе к новой форме правления — конституционной монархии, но лишь в обновлении традиционной для России самодержавной монархии. Выражая данную мысль, П.Е. Казанский писал: «С точки зрения установленного нами воззрения на действующий государственный строй, как строй лишь обновленный, но по существу своему остающийся прежним, *вся эта контраверза* о моменте перехода к новым порядкам

⁴¹ Там же. С. 58-59.

не имеет серьезного значения. Великие преобразования, совершенные в 1905–1906 гг., покоятся на целом ряде государственных актов, касающихся разных сторон русской государственной и народной жизни. Каждый из них вступал в действие в известный срок, согласно указаниям действующего права. Один из знаменательнейших моментов новейшей государственной жизни России, конечно, 27 апреля 1906 г., день открытия первой Государственной Думы. Но не менее важно и 23 апреля того же года, когда были изданы Основные государственные законы, содержание которых далеко не ограничивается установлением нового порядка законодательства»⁴².

Подобный взгляд на реформы государственного строя Российской империи 1905–1906 годов проводил и ученик профессора П.Е. Казанского Николай Алексеевич Захаров (1883 – после 1928), отмечавший в своей книге о системе русской государственной власти, что они «не изменили известных основ государственной власти», а лишь «установили иной порядок ее волеизъявления, многое дополнили, создали известное единство действия правящих учреждений и предуказали пути, которыми должно развиваться разорванное единство народной мысли с царским решением. Указ Сенату 23 апреля 1906 года, которым были объявлены новые конституционные законы, заменившие собой прежние, до известной степени запутанные, основные законы, и согласованные с дарованными за последнее время манифестами правами, ясно и определенно говорил о том, что издаваемая конституция сохраняет в своих основных чертах прежние основы Верховной власти»⁴³.

⁴² Казанский П.Е. Власть российского императора. Очерки действующего русского права. Казань, 1913. С. 911.

⁴³ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск, 1912. С. 115–116. Николай Алексеевич в данном случае подразумевает следующие слова императорского Указа Сенату от 23 апреля 1906 г.: «Манифестом 17 октября 1905 г. Мы возвестили об осуществлении Нами законодательной власти в единении с представителями народа и о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы. Установив новые пути, по которым будет проявляться самодержавная власть Всероссийских монархов в делах законодательства, Мы утвердили Манифестом 20 февраля сего года порядок участия выборных от народа в сих делах и определили временными правилами условия пользования населением гражданской свободой. Вместе с тем, в видах укрепления основ обновляемого государственного строя, Мы повелели свести воедино постановления, имеющие значение Основных государственных законов, подлежащих изменению лишь

Созданный в России в 1906 году институт народного представительства сторонники национально-государственного направления в российской науке государственного права считали самобытным, присущим только российскому самодержавно-монархическому строю. Они отказывались отождествлять Государственный совет и государственную думу с парламентскими палатами западноевропейского образца.

Мысль о том, что в России народному представительству нельзя придавать организационно-правовую форму парламента, высказывал еще осенью 1904 году видный русский общественный деятель *Дмитрий Николаевич Шипов* (1851–1920). Он утверждал, в частности, что это представительство «не должно иметь характера парламентарного, с целью ограничения царской власти, но должно служить органом выражения народного мнения, для создания и сохранения всегда тесного единения и живого общения царя с народом»⁴⁴.

Публицист и идеолог самодержавия *Лев Александрович Тихомиров* (1852–1923) также считал только такую форму общественного представительства совместимой с монархией самодержавного типа, которая не имеет ничего общего с парламентом. «Монархия, — писал он, — вовсе не состоит в произволе одного человека, и не в произволе бюрократической олигархии. Поскольку все это существует — монархия находится в небытии, и странно критиковать ее на основании того, что происходит там где ее нет. Монархия состоит в единоличном выражении идеи всего национального целого, а чтобы это могло быть фактом, а не вывеской, необходима известная организация и система учреждений»⁴⁵. Этими словами Тихомиров подводил к мысли о том, что настоящая монархия предполагает наличие органов народного представительства, поскольку только через них монарх может исполнить свое предназначение. «Народное представительство в

по почину Нашему, и дополнить их положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей Нам нераздельно власти Верховного государственного управления от власти законодательной» (З-ПСЗРИ. Том 26. № 27805. С. 456).

⁴⁴ К мнению меньшинства частного совещания земских деятелей 6-8 ноября 1904 года. М., 1905. С. 29.

⁴⁵ *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. Часть 4. Монархическая политика. СПб., 1905. С. IV.

монархии, — утверждал он, — есть собственно орудие общения монарха с национальным духом и интересами. Эта идея общения не только не имеет ничего общего с идеей представительства народной воли, но даже с ней несовместима. Идея представительства народной воли какими-либо выборными людьми сама в себе содержит отрицание монархии, ибо орган народного представительства в этом смысле есть монарх. Идея монархической верховной власти состоит не в том, чтобы выразить собственную волю монарха, основанную на мнении нации, а в том, чтобы выразить народный дух, народный идеал, выразить то, что думала бы и хотела бы нация, если бы стояла на высоте своей собственной идеи. Если бы “земля” способна была стоять на такой высоте, то монархическое начало власти не было бы и нужно для народов. Но оно нужно именно потому, что свойствами личности восполняет органический, неустранимый другими способами остаток социальной коллективности. Таким образом, в монархии может быть только вопрос о способах общения с нацией, но никак не о представительстве народной воли при монархе»⁴⁶.

Сравнивая сложившуюся в России форму народного представительства с западноевропейским парламентаризмом, правовед *Сергей Андреевич Котляревский* (1873–1939) приходил к выводу об их полной противоположности. В России, отмечал он, «независимость правительства от представительства обеспечена гораздо в большей степени, чем независимость представительства от правительства. Если власть управления совершенно изъята из ведения Думы и Совета, то в законодательстве роль правительства остается не только фактически руководящей, но и юридически преобладающей, что так ярко выражается в установленной необходимости предварительного правительственного отзыва при осуществлении думской инициативы. Все это перемещает центр тяжести государственного механизма с представительства на правительство, ответственное лишь перед Верховной властью»⁴⁷.

Признавая конституцию и народное представительство явлениями вполне совместимыми с государственным строем самодер-

⁴⁶ Там же. С. 202.

⁴⁷ *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912. С. 110.

жавия, российские правоведы, принадлежавшие к национально-государственному направлению российской науки государственного права, ясно понимали, что в данном случае нельзя было говорить о внедрении в государственный организм Российской империи западноевропейских государственно-правовых доктрин и принципов. Самодержавная монархия обзаводилась собственными, выросшими в условиях России вариантами конституции и народного представительства. Вместе с тем они видели, что и принцип разделения властей, составлявший в западноевропейских политических системах основополагающую конституционную доктрину, имел в российском государственном строе своеобразный характер.

Н.А. Захаров называл функции или разновидности верховной государственной власти «формами властвования»⁴⁸. По его мнению, «и в принципе, и на практике разделение властей не было чуждо нашему строю в XIX веке». Делая такой вывод, Николай Алексеевич ссылался на ст. 47 Свода основных государственных законов⁴⁹ и ст. 152 и 178 Учреждения министерств, составившего книгу 5 части 2 первого тома Свода законов Российской империи издания 1892 года⁵⁰, в которых говорилось о законодательной, исполнительной и судебной властях, а также на слова М.М. Сперанского об устройстве верховной государственной власти в России: «Первое начало власти в России весьма, кажется, просто. Государь, соединяющий в особе своей все роды сил, единый законодатель, судия и исполнитель своих законов, — вот в чем состоит на первый взгляд вся конституция сего государ-

⁴⁸ «Если конституция — зафиксированное, установленное изложение форм властвования, то самодержавие есть одна из этих форм» (Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 137).

⁴⁹ В данной статье говорилось: «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной власти исходящих» (Свод законов Российской империи. Том 1. Свод учреждений государственных и губернских. Часть 1. Основные законы и учреждения государственные. СПб., 1833. С. 18).

⁵⁰ Ст. 152 гласила: «В порядке государственных сил Министерства представляют установление, посредством коего Верховная Исполнительная Власть действует на все части управления». В ст. 178 устанавливалось, что «власть судебная во всем ее пространстве принадлежит Сенату и местам судебным» (Свод законов Российской империи. В пяти книгах. Том 1. Кн. 5. Учреждения министерств (издание 1892 г.). СПб., 1912. С. 171, 174).

ства»⁵¹. В изданной 23 апреля 1906 года новой редакции Основных государственных законов Н.А. Захаров увидел установление «более точного и ясного деления властей»⁵².

Отметив, что все отдельные власти составляют в России «одну суверенную государственную власть», он констатировал, что эти законы предусмотрели наличие «не трех властей, а четырех: законодательной, власти управления, судебной и самодержавной»⁵³. Данный вывод Николай Алексеевич сделал, опираясь на буквальный смысл статьи 4 Основных государственных законов, в которой говорилось, что «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная самодержавная власть», и на текст статьи 7 этих же законов, гласивший, что «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думою». По его мнению, приведенные статьи свидетельствуют о том, что самодержавная власть рассматривается в новой редакции Основных государственных законов «отдельно от законодательной»⁵⁴. Понимая, что любая верховная власть составляет явление, не поддающееся точной дефиниции, Н.А. Захаров тем не менее попытался определить отличительные свойства власти самодержавной, указав, что она «есть власть учредительная, умеряющая, последнего решения и внешнего индивидуального олицетворения государственной воли»⁵⁵.

Мнение Н.А. Захарова о том, что самодержавная власть должна трактоваться в качестве особой власти наряду с законодательной, исполнительной и судебной властями, было подвергнуто критике со стороны профессора П.Е. Казанского. Соглашаясь с определением, которое его ученик дал самодержавной власти, Петр Евгеньевич в то же время подчеркнул, что все указанные свойства верховной власти проявляются «и в области законодательства, и в области администра-

⁵¹ Там же. С. 141. Приведенную мысль М.М. Сперанский высказал в начале третьей части «Записки об устройстве судебных и правительственных учреждений», начертанной им в 1803 г. См.: *Сперанский М.М. Юридические произведения / Под редакцией и с биографическим очерком В. А. Томсинова. М., 2008. С 347.*

⁵² *Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 141.*

⁵³ Там же. С. 142.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 300–301.

ции, и в области суда. Поэтому предложение г. Захарова пополнить стихии государственной власти четвертой принято быть не может»⁵⁶.

Как бы то ни было, это предложение Н.А. Захарова выражало ясное понимание им своеобразия российского варианта разделения властей, стремление осмыслить его не с позиций абстрактных западно-европейских идей, а на основе конкретного правового материала — норм основных государственных законов Российской империи.

Подобный подход молодой ученый-государствовед применял при описании и других институтов российского государственного права. В предисловии к монографии «Система русской государственной власти» Захаров изложил суть своей научной методологии: «Наука о государстве слишком увлеклась общими теориями: в то время как ранее государства образовывались в силу естественных условий, ныне проглядывает тенденция образования государственного организма по известным готовым схемам. Такое положение вещей, такая замена естественного строительства искусственным, имея многие преимущества в смысле установления планомерной работы государственных органов и гарантии государственным подданным справедливой защиты их интересов, подчас оказывается не вполне точно применимым, так как слишком уходит в сторону от реальной жизни. Учение о государстве, рассматривая государственное устройство страны, всегда стремится указать разницу между теоретическими учениями и действующими законами страны, чем ставит весьма часто науку в положение критики существующего строя; между тем, казалось бы, более правильным, — отделив общее учение о государстве в одну дисциплину, в другой, специальной, говорить исключительно о существовании строя каждого отдельного государства *de lege lata* в согласии с его историческим развитием и теми местными характерными условиями, которые создавались историческим ходом жизни»⁵⁷.

Методологический подход, предполагавший изучение институтов государственного права в историческом развитии и с точки зрения реальной политической жизни общества, провозглашал и П.Е. Казан-

⁵⁶ Казанский П.Е. Власть российского императора. С. 817.

⁵⁷ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. С. 4.

ский. В предисловии к своему исследованию власти российского императора он писал: «Однако ограничиваясь по необходимости рамками действующего права, мы не должны забывать, что изучению нашему подлежит отнюдь не недавно созданный искусственный, чисто юридический институт, но уходящее своими корнями глубоко в прошлое и тесно переплетающееся со всеми сторонами русской старины и современности, многогранное установление, живущее могучей творческой жизнью. Надо совершенно оставить в стороне мысль о том, чтобы власти *русских императоров* возможно было дать чисто юридическую конструкцию, как, положим, векселю или чеку. Исключительно юридические толкования в области основных вопросов публичного права *вряд ли* вообще могут дать вполне *верное понимание вещей*. Отвлеченный юридический формализм плохо мирится прежде всего с историческими задачами и могучим движением вперед государственной жизни современных великих народов»⁵⁸.

С.А. Котляревский имел, помимо юридического, историческое образование и потому в своих исследованиях государственно-правовых явлений придавал большое значение историческому опыту их функционирования. Так, о методологии изложения института монархии он писал: «Положение монарха часто имеет гораздо более глубокое историческое, чем юридическое обоснование. Правовые определения этой власти, формулы законодательных памятников и учредительных хартий — только поверхностный слой, который накинута на веками отлагавшиеся плоды побед и поражений в борьбе с окружающими социальными силами, на отпечатлевшиеся привычки, верования и чувствования. Русская история была исключительно бедна устойчивыми юридическими отношениями, и к ней это особенно применимо»⁵⁹.

К данному высказыванию С.А. Котляревского следует добавить, что власть императора, хотя и регулировалась в Российской империи публично-правовыми законами, одновременно освящалась религиозным обрядом, то есть имела не только юридический, но и религиозный, священный характер и выступала как «великое служение». В

⁵⁸ Казанский П.Е. Власть российского императора. С. XIII.

⁵⁹ Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. С. 130.

соответствии со статьей 57 Свода основных государственных законов издания 1906 года, по вступлении на Престол, совершалось «священное коронование и миропомазание по чину Православной Греко-Российской церкви»⁶⁰. Примечанием № 1 к статье 58 было определено, что данный обряд должен был совершаться «в Московском Успенском Соборе в присутствии высших государственных правительств и сословий, по Высочайшему назначению к сему призываемых»⁶¹.

В примечании № 2 к указанной статье предписывался следующий порядок священного коронования и миропомазания: «Император, пред совершением сего священного обряда, по обычаю древних Христианских Государей и Боговенчаных Его предков, произносит вслух верных Его подданных символ Православно-Кафолической веры и потом, по облечении в порфиру, по возложении на Себя короны и по восприятии скипетра и державы, призывает Царя Царствующих в установленной для сего молитве, с коленопреклонением: да наставит Его, вразумит и управит, в великом служении, яко Царя и Судию Царству Всероссийскому, да будет с Ним приседящая Божественному престолу премудрость, и да будет сердце Его в руку Божию, во еже вся устроити к пользе врученных Ему людей и к славе Божией, яко и в день суда Его непостыдно воздаст Ему слово»⁶².

Статья 63 Свода основных государственных законов издания 1906 года устанавливала правило, по которому «император, Престолом Всероссийским обладающий», не мог исповедывать «никакой иной веры, кроме Православной»⁶³. А следующая статья объявляла о том, что «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния»⁶⁴.

⁶⁰ Свод законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак[онов] Осн[овных], и позднейшими узаконениями. В пяти книгах / Под ред. и с примечаниями И.Д. Мордухай-Болтовского. Кн. 1. Т. 1-3. СПб., 1912. С. 4. В Своде законов издания 1857 года статья о священном короновании и миропомазании была 35-й.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 5.

⁶⁴ Там же.

Вместе с тем, император представлял одновременно и как персону (физическое тело), и как институт (политическое тело).

Все это придавало самодержавной монархии в Российской империи сложный характер. Для понимания ее сущности недостаточно было юридического подхода. Тем не менее именно русские правоведы, особенно те из них, которые принадлежали к национально-государственному направлению в отечественном государствоведении, внесли наибольший вклад в разработку принципиально новой доктрины самодержавной власти, соответствовавшей традиционному духу русской государственности, а также условиям и потребностям стремительно модернизовавшегося российского общества.

К сожалению процесс формирования такой доктрины не был завершен вследствие крушения Российской империи в 1917 году. Однако труды правоведов, изучавших возникшее после государственных реформ 1905–1906 годов новое состояние российской самодержавной власти, не утратили своего научного и идеологического значения. Они воплотили в своем содержании новую методiku государственно-правовых исследований, позволяющую прийти к пониманию сущности переходного государственного строя. Они выразили новый подход к доктринам государственной идеологии, показав на конкретных примерах необходимость их разработки на основе не мифологии, а научного познания действительного состояния государства.